

ген, mit denen der Leser bis zu einem gewissen Grade bekannt gemacht wird, tragen dazu bei, das Alter der Entlehnungen zu bestimmen.

Für diejenigen Leser, die mit der in der finnisch-ugrischen Sprachwissenschaft benutzten phonetischen Transkription nicht vertraut sind, werden die Grundlagen dieser Transkription am Ende des Buches auf drei Seiten dargelegt. Wenn man die populärwissenschaftlichen Ziele des Buches und dessen Benutzung als Lehrbuch berücksichtigt, so ist der entsprechende Anhang an seinem Platz.

Obwohl das vorliegende Werk technisch gut bearbeitet ist, sind in dasselbe doch einige Fehler und Inkonsistenzen geraten. Auf Seite 76 ist das wepische *aganod* offensichtlich phonetisch nicht korrekt (es muß *aganoid* oder *aganöd'* sein) und auch dessen Übersetzung 'Spreu' ist ungenau, auf Seite 91 muß statt des wot. *juttiel jutelti* stehen, gleichfalls muß statt der Rekonstruktion *\*pakēt|tak \*pakēt|tak* sein usw. Neben der Namensform *Hämäläinen* (S. 41) kommt auch die aus dem Russischen transkribierte Form *Hjamjaljainen* (S. 28 und 84) vor, was man für die Bezeichnung ein und derselben Person nicht empfehlen kann. Die Jahreszahl von P. Alvres Dissertation ist mit 1965 (S. 49)

richtig gegeben worden, wird aber später irrtümlicherweise mit 1966 vermerkt. Auf Seite 96 steht *talusiDe* 'der Bauernhöfe', obwohl wegen des in der Nachbarschaft stehenden *tarezist taluziDe* sein müßte. Die biographischen Angaben sind bei den Neuauflagen lückenhaft. So dürfte man auf Seite 37 bei dem Werke von A. Penttilä auch die Erwähnung der 2. Auflage und auf Seite 236 bei dem Werke von L. Hakulinen die Erwähnung der 3. Auflage erwarten.

Die Mängel in dem von A. Laanest in jahrelanger Arbeit verfaßten Buch «Einführung in die ostseefinnischen Sprachen» sind gar nicht umfangreich. Das erste in seiner Art als Überblick gedachte Lehrbuch und Nachschlagewerk kann man in seinen Hauptzügen als gelungen begrüßen. Das Übergehen einiger zum eisernen Bestand gehörender Momente hätte man vermeiden können, wenn das Werk vor seiner Veröffentlichung auch an der Tartuer Staatlichen Universität, für die es ja vor allem bestimmt ist, besprochen worden wäre. Als notwendiges Bindeglied ebnet es den Weg für größere Verallgemeinerungen, auf welche zu sich sowohl die ostseefinnische als auch die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft als Ganzes bewegen.

PAUL ALVRE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.3.10>

Н. Г. Зайцева, Именное словоизменение в вепском языке. (История и функционирование форм слова). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1975.

10 апреля 1975 г. на заседании лингвистической секции Ученого совета филологического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР Н. Г. Зайцевой на тему «Именное словоизменение в вепском языке. (История и функционирование форм слова)». Официальными оппонентами выступили заведующая кафедрой финно-угорской филологии Ленинградского государствен-

ного университета доктор филологических наук профессор З. М. Дубровина и заведующая кафедрой финского языка Петрозаводского государственного университета кандидат филологических наук доцент М. И. Муллонен. Оппоненты в целом высоко оценили диссертацию, и Ученый совет единогласно присудил Н. Г. Зайцевой ученую степень кандидата филологических наук.

Предметом своего исследования Н. Г. Зайцева избрала морфологию имени в вепском языке. Выбор темы следует признать удачным и своевременным, так как при довольно основательной изучен-

ности фонетики и синтаксиса вепского языка (см. прежде всего монографии Э. А. Тункело и Л. Кеттунена) морфология его почти не исследовалась. Правда, некоторые наблюдения над морфологическими явлениями вепского языка можно встретить в работах по прибалтийско-финским языкам, есть статьи, посвященные отдельным вопросам морфологии вепского языка, но до сих пор не существует ни одного обобщающего исследования по морфологии этого языка. Между тем, факты этого языка, на котором сейчас разговаривает всего около 16 тысяч человек, представляют большой интерес для сравнительного финно-угроведения.

Диссертация Н. Г. Зайцевой состоит из предисловия, введения, основной части, заключения, списков сокращений и литературы. В предисловии (стр. 1—2) обосновывается выбор темы и построение работы, сообщаются сведения об использованных материалах. Во введении (стр. 3—58) приводятся краткие данные о вепсах и их языке, дается обзор литературы по вепскому языку, причем особое внимание обращается на освещение вопросов морфологии и прежде всего именного словоизменения. Во второй части введения (Грамматические категории имени) автор определяет свои теоретические позиции. При определении грамматической категории она исходит из морфологической оформленности, наличия определенных показателей и затем связанных с ними значений. На наш взгляд, для финно-угорских языков это единственно правильный подход. Отклонение от этого принципа приводит к созданию таких искусственных категорий, как аккузатив в грамматиках современного финского языка. Пренебрегая морфологическими показателями, авторы грамматик объединили под этим названием формы номинатива и генитива единственного числа и номинатива множественного числа, выступающие в функции тотального прямого объекта. Очень важно также, что грамматические категории Н. Г. Зайцева определяет не только с точки зрения общего языкознания или русистики, а главным образом применительно к прибалтийско-финским языкам, где они имеют ряд специфических особенностей. Каждая из четырех категорий имени (падеж, число, категория притяжательности и категория степе-

ней сравнения) рассматривается здесь в историческом плане. Н. Г. Зайцева ссылается на труды по исторической морфологии прибалтийско-финских языков и определяет свою точку зрения. В третьей части введения даны типы основ (надо бы сказать: именных основ) в вепском языке. Включение в работу этой части очень важно, так как формы слов (в том числе и имен) в вепском языке определяются не только отдельными морфологическими показателями, но и типами основ. В дальнейшем показано, как изменяются основы имен при присоединении каждого из морфологических показателей.

Основная глава (стр. 59—186) называется «История и функционирование форм имени в диалектах вепского языка» и состоит из четырех частей, посвященных падежной системе, числовым формам, притяжательным формам и степеням сравнения. Каждая форма вепского имени рассматривается как в историческом плане, так и с точки зрения ее употребления в диалектах современного вепского языка. Кроме морфологического анализа, даются также основные синтаксические функции каждой формы. При этом самым интересным и животрепещущим оказался вопрос о критериях выделения падежных форм и о количестве падежей в вепском языке. Об актуальности этого вопроса свидетельствует уже тот факт, что «Словарь вепского языка» М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен (Ленинград 1972) признает в вепском языке 12 падежей (среди них аккузатив, для выделения которого в вепском языке так же мало оснований, как и в финском), а Н. Г. Зайцева включает в падежную систему вепского языка 18 падежей (аккузатив она не включает). Спорными оказались 7 новых падежей послеложного происхождения, часть которых имеет параллели в карельском, водском и эстонском языках. Показатели этих падежных форм, образовавшихся из сочетаний падежной формы существительного с послелогом, легко обнаруживают свое послеложное происхождение и по степени грамматической абстрагированности далеки от остальных падежных окончаний. Вопрос об этих падежах неоднократно обсуждался в лингвистической литературе, но единое мнe-

ние до сих пор не достигнуто. Хотя многие исследователи (Л. Кеттунен, З. М. Дубровина, К. Е. Майтинская, Ф. Ойнас, П. Пальмеос, Т.-Р. Вийтсо и др.) считают этот вопрос решенным и включают указанные падежи в парадигму склонения вепского имени, все же до сих пор существует и другая точка зрения, сторонники которой (Э. А. Тункело, М. М. Хямяляйнен и авторы «Словаря вепского языка») не признают указанные морфологические структуры падежами и называют их то агглютинатами, то постпозиционалами.

Н. Г. Зайцева не только включает новые падежи в парадигму склонения вепского имени, но и приводит новые убедительные аргументы в пользу их выделения и существенно уточняет уже приводившиеся аргументы. Например, на стр. 35—38, где рассматриваются основные критерии выделения новых падежей, она справедливо отмечает, что ассимиляция конечного согласного падежной формы и начального согласного послелога не является достаточно веским аргументом для выделения нового падежа, так как в прибалтийско-финских языках ассимиляция согласных бывает и в двух соседних словах. Или, например, на стр. 34, полемизируя с М. М. Хямяляйненом, который пишет, что новые форманты «никогда не соприкасаются с основой слова подобно падежным окончаниям», Н. Г. Зайцева справедливо замечает, что окончания новых падежей сложились не только из редуцированного послелога, который действительно не соприкасается с основой имени, а из окончания той падежной формы, с которой употреблялся послелог, и редуцированного, часто подчиненного гармонии гласных бывшего послелога. Например, окончание нового элатива *-spei* сложилось из окончания инессива-элатива *-s* и редуцированного послелога *-pei*. А такое окончание всегда присоединяется непосредственно к основе имени.

Интересен, хотя и не столь полемичен, вопрос о притяжательной суффиксации. При чтении этой части можно убедиться в том, что хотя в вепском языке имеются притяжательные суффиксы всех трех лиц в единственном и множественном числе, употребление их значительно уже, чем в финском языке, и носит гораздо более случайный и непо-

следовательный характер. Принадлежность какому-либо лицу чаще выражается аналитически.

В употреблении степеней сравнения также есть свои особенности. Хотя употребление формы сравнительной степени от имен существительных в финском языке очень ограничено, в вепском языке оно еще уже и встречается очень редко. Хотя для передачи превосходной степени в вепском языке и существует специальная форма, чаще всего превосходная степень передается аналитически (здесь автор справедливо видит влияние русского языка).

Приведенный в конце работы список литературы содержит 164 названия. Не только список литературы, но и сама работа свидетельствует о том, что автор хорошо знаком с литературой, в которой так или иначе освещаются интересные ее вопросы, и умеет в ней критически ориентироваться.

Н. Г. Зайцева (уроженка дер. Войлахта Вологодской области) знает и любит свой родной язык и хорошо разбирается в его морфологической структуре. Она сумела не только собрать и обобщить разрозненные высказывания по грамматике вепского языка, но сделала много новых интересных наблюдений. Например, на стр. 121 она впервые выделяет у пролатива временное значение и правильно объясняет его появлением влиянием русских конструкций «по временам», «по утрам», «по вечерам» и т. п. На стр. 153 показано, что притяжательный суффикс *-m* встречается не только в 1-м лице единственного числа, но и в 1-м лице множественного числа. Таких наблюдений можно привести много.

Заслуга Н. Г. Зайцевой состоит в том, что ей удалось показать систему именного словоизменения вепского языка в динамике. Хотя в основном вепский, как и все прибалтийско-финские языки, относится к агглютинативным языкам, в нем можно наблюдать борьбу противоположных тенденций в формировании морфологии: с одной стороны, превращение аналитических конструкций, состоящих из падежной формы имени и послелога, в новые падежные формы, с другой стороны, вытеснение форм с притяжательными суффиксами и формы превосходной степени аналитическими конструкциями,

Основные положения работы, на наш взгляд, правильны и возражений не вызывают. Однако по некоторым частным вопросам можно сделать замечания.

На стр. 53—58, где рассматриваются типы основ (лучше бы сказать: основ имени), следовало бы дать более четкое представление об одноосновных и двуосновных именах. Н. Г. Зайцева пишет, что «двуосновными являются имена, оканчивающиеся в номинативе ед. числа на *-m*, *-z* (-ž), *-s* (-š), *-h*, *-r*, *-t* (-l) ...» Однако можно привести ряд одноосновных имен, которые тоже оканчиваются на эти согласные: *nor* 'веревка', *koir* 'собака', *hul* 'горячий', *mađal* 'низкий', *kanz* 'семья'. Следовательно, необходимо уточнение.

На стр. 59 сказано, что «падежная система вепского языка состоит из падежей трех слоев образования», но так как не все падежи размещены по этим группам, можно подумать, что часть падежей в эти группы не входит. Например, к самым древним падежам, восходящим по крайней мере к финно-угорскому праязыку, следовало бы непременно отнести эссив-инструктив, восходящий к древнему *n*-овому локативу, и партитив, восходящий к древнему *t*-овому аблативу. Впрочем, это только вопрос оформления, так как происхождение этих падежей понято правильно (см. стр. 76, 65).

На стр. 59—60, где перечисляются все падежи, у некоторых из них почему-то даны не все варианты окончания. Например, для партитива приводится только *-d* (-đ), но не даются *-t*, *-ta*, *-da*. У аппроксиматива отсутствует окончание *-lest*, *-loks*, *-lost*.

Нельзя согласиться с утверждением, что «номинатив является исходной формой имени» (стр. 60). При склонении имени в вепском, как и во всех прибалтийско-финских языках, исходной является основа слова. Номинатив тоже образован от основы и часто претерпевал различные изменения.

На стр. 111 сказано: «В вепском языке возникла новая падежная форма, оформляющаяся двумя показателями *-dme* (-me) и *-ŋke*». Так как морфологические показатели совсем разные, это уже не одна, а две формы комитатива, которые можно бы назвать комитативом I и комитативом II.

На стр. 142 в доказательство того, что в вепском языке нет чередования ступеней согласных, наряду с правильным примером *poig* : *poigad* приводятся слова *vanh* : *vanhad* и *kanz* : *kanzad*, в которых и в других языках не бывает чередования.

Следовало бы сказать, что адитив (стр. 137—138) по происхождению связан с новыми элативом и аблативом, а по значению противостоит им (ср. *mecaspäi* — *mečapäi*, *stolaurpäi* — *nitalorpäi*). В работе этот падеж дан самым последним, и может создаться впечатление, что он стоит совершенно особняком.

По анализу синтаксических функций тоже можно сделать несколько замечаний. На стр. 63 словосочетания со значением 'вершина ели', 'косяк двери', 'черепки горшка', 'листья осины', 'стена дома' рассматриваются как посессивный генитив, тогда как здесь представлен генитив, обозначающий часть целого (*genitivus partitivus*).

На стр. 63 сказано, что генитив может быть применным и приглагольным. Однако в дальнейшем при перечислении функций этого падежа такого разделения нет, и не сказано, где кончается применной и начинается приглагольный генитив. На стр. 68—69, где перечислены функции партитива, отсутствует партитив в роли подлежащего (*tihäd niil ei ole* 'у них нет мяса').

Изредка встречаются неточности в переводах. Например, стр. 175 *koivijine hil om kalhomb* 'березовый уголь дешевле' (надо: 'дороже'); стр. 105 *jänizelpäi med aldoil randha kandej* 'из озера (Онеги) нас волны на берег вынесли' (надо: '... нас волной на берег вынесло'); стр. 106 *karouzihe minucca* 'он повернулся ко мне' (надо: 'он отвернулся от меня').

Из сказанного видно, что приведенные здесь замечания касаются лишь частных вопросов и не затрагивают основных положений работы. Следует сказать, что Н. Г. Зайцева успешно справилась со своей задачей: ей удалось впервые достаточно полно и всесторонне воссоздать историю формирования именного словоизменения в вепском языке и описать его современное состояние. При рассмотрении вопроса о падежной системе вепского языка и о месте новых падежей

послеложного происхождения удалось найти правильную позицию и привести целый ряд новых аргументов в защиту этой позиции. Работа Н. Г. Зайцевой, несомненно, представляет интерес как для

специалистов по вепсскому языку, так и для всех тех, кто занимается сравнительно-историческим финно-угроведением.

З. М. ДУБРОВИНА (Ленинград)

**Е. Н. Мустаев, Вопросы синонимии марийского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1975.**

18 апреля 1975 г. перед Ученым советом филологического факультета Тартуского государственного университета защитил кандидатскую диссертацию йошкар-олинский языковед Е. Н. Мустаев на тему «Вопросы синонимии марийского языка». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук П. Кокла (Таллин).

Область синонимии финно-угорских языков еще недостаточно изучена. Тем не менее можно указать на кандидатскую диссертацию Р. Н. Бузаковой «Синонимика мордовских языков», которая была защищена в Тартуском государственном университете в 1970 г. Теперь за эту тему взялся еще один представитель волжских народов. Актуальность постановки вопроса в диссертации Е. Н. Мустаева сомнений не вызывает. Хочется подчеркнуть, что марийский язык, благодаря некоторым особенностям, предоставляет хорошие возможности для исследования проблем синонимии. Целью рассматриваемой работы является выявление особенностей лексической синонимии марийского литературного языка, связанных со структурой и историей развития языка (стр. 4). В исследовании рассматривается вопрос о природе синонима и основных отношениях, которые складываются между близкими по значению или тождественными словами.

Основным исходным материалом диссертации служат произведения марийских писателей начиная с изданий 30-х годов этого столетия и кончая публикациями наших дней. Используются также словари марийского языка и словарная картотека Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в Йошкар-Оле.

Диссертация, общий объем которой 197 стр. машинописи, состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и библиографии.

В первой главе (стр. 6—58) рассматриваются общее понятие синонимов и теоретическая сторона вопроса. Как известно, проблема сущности синонимов очень сложна и единогласие в этой области пока не достигнуто. Существует ряд спорных и неясных вопросов. Например, одним из критериев синонимии является семантическая близость. Но близость значения — понятие весьма относительное. На примере марийского языка автор показывает, как использованием минимальных единиц значения практически можно установить синонимические ряды. В диссертации выделяются четыре основные группы взаимоотношений слов в синонимическом ряду.

К термину «оттенок лексического значения» Е. Н. Мустаев относится с осторожностью и правильно отмечает, что он имеет далеко не конкретное содержание. Диссертант на примерах старается разъяснить это положение, укоренившееся в лингвистической литературе: *амал* 'повод, причина, предлог (для чего-л.)' и *шылтык* 'повод, причина (но только для ссоры)' (стр. 17).

В работе наглядно демонстрируется сочетаемость слов как важный момент во взаимоотношениях синонимических слов: например, в синонимическом ряду *вий*, *куат*, *йнар*, *ал*, *йыжыҥ*, *артам* (с общим значением 'сила') слова различаются не только объемом лексического значения, но и способностью сочетаться с другими словами. Синонимы *вий* и *куат* не ограничены в употреблении, но остальные четыре слова свободой употребления не обладают (стр. 20).